

Вопросы философии и психологии

Книга 124.

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 101
ББК 87

Вопросы философии и психологии: Книга 124. / – М.: Книга по Требованию, 2011. – 246 с.

ISBN 978-5-458-04772-2

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04772-2

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

В о й н а.

Мы переживаемъ великій переломъ—и не только въ той сферѣ, въ которой непосредственно проходитъ война. Создаются новыя отношенія между государствами и между народами, закладываются новыя основанія для устройства этихъ государствъ, новые пути для развитія этихъ народовъ, но кромѣ всего этого мѣняется та духовная атмосфера, въ которой жило и съ которой свыклось современное человечество.

Въ міровоззрѣніи XIX а также и XX вѣковъ опредѣляющее мѣсто занимала идея эволюціи. Исторія нашей планеты представлялась какъ медленное и постоянное дѣйствіе силъ, мѣняющихъ земной обликъ въ теченіе недоступныхъ человѣческому воображенію періодовъ. Подобнымъ же образомъ въ общемъ мыслилось и развитіе на ней органической жизни. Наконецъ и въ исторіи человѣческихъ обществъ утвердилось такое пониманіе постепенныхъ, непрерывныхъ, преобразующихъ процессовъ.

Неоспоримо, здѣсь былъ сдѣланъ крупный шагъ впередъ въ расширеніи и углубленіи научнаго духа. Но какъ это обычно бываетъ въ исторіи человѣческой мысли—остался въ тѣни другой аспектъ міра съ его разрывами, съ дисгармоніями, катастрофами. Изъ космической исторіи выкинуть ихъ всетаки нельзя. То же самое въ области нравственной. Историзмъ училъ видѣть здѣсь непрерывныя пѣпи безконечныхъ приспособленій, но оставлялъ слишкомъ мало мѣ-

ста для катастрофы, для трагедіи. Какъ будто всякое появленіе великаго человѣка не есть нѣчто, выходящее за грани этой медленной эволюціи. Первые удары военной грозы, разразившейся надъ европейскимъ міромъ и отразившейся такъ на всемъ земномъ шарѣ, напомнили объ этихъ пробѣлахъ, объ этихъ недочетахъ въ нашемъ умственномъ инвентарѣ.

Современная война есть великая, безпримѣрная катастрофа—и передъ лицомъ ея чудовищными кажутся тѣ восхваленія войны, которыя дѣлались въ новѣйшей литературѣ, преимущественно, хотя не исключительно, нѣмецкой. Въ войнѣ усматривали и благодѣтельное орудіе біологическаго подбора и великое средство національнаго воспитанія, укрѣпляющаго энергію и бодрость. Въ ея защиту выдвинуты были доказательства отъ безстрастной точной науки, и къ ней обращалось вульгаризованное нищепанство, для котораго среди крови и разрушенія, среди цепелиновъ и дреднотовъ и долженъ былъ открыться сверхчеловѣкъ. Не такъ говорили о войнѣ наши великіе писатели и мыслители, подобные Достоевскому и Вл. Соловьеву, которые въ извѣстномъ смыслѣ готовы были ее защищать, для которыхъ и она могла являться формой служенія своему народу и человѣчеству, средствомъ выполнить евангельскую заповѣдь любви, полагающей душу свою за други своя. Моральный смыслъ войны, когда она ведется за право и справедливость, когда ею отражается зло и насиліе, не только въ этихъ ея цѣляхъ; ей присуща трагически очищающая сила. Она даетъ не только этотъ подъемъ вызова судьбѣ, который изобразилъ поэтъ:

Есть упоеніе въ бою
И бездны мрачной на краю.

Она даетъ подъемъ жертвы, принесенной чему-то неизмѣримо высшему, чѣмъ личная жизнь, подъемъ разрыва съ тѣми крѣпкими узами, которыя удерживаютъ человѣка въ плѣну у его быта, его обстановки. Приобщаясь смерти,

человѣкъ здѣсь пріобщается и какой-то высшей жизни, гдѣ ужасъ и страданіе вырастаютъ въ великую радость.

Но есть и другая сторона. Мы чувствуемъ, что современная война есть не только испытаніе матеріальной мощи народовъ: она обнаруживаетъ цѣнность тѣхъ культурныхъ принциповъ, которыми живутъ эти народы. И думается, уже въ настоящее время возможно предвосхитить эту грядущую переоцѣнку, этотъ всемірно-историческій судъ.

Недостойно и близоруко возлагать отвѣтственность за Калишь и Лувенъ на нѣмецкую культуру въ ея цѣломъ, какъ и произносить отлученіе противъ нѣмецкаго языка, литературы, философіи, искусства, науки. Но несомнѣнно, въ культурѣ современной Германіи весьма сильно были представлены теченія, которыя содѣйствовали появившемуся извращенію правового и нравственнаго чувства. Не остались эти теченія безъ слѣда и на духовной жизни другихъ народовъ, но въ меньшей степени. Эти теченія возвѣщали то, что всего точнѣе можетъ быть обозначено какъ принципъ абсолютнаго самоутвержденія, принципъ, прилагаемый въ различныхъ направленіяхъ. Можетъ быть, наименѣе опасное приложеніе его это культъ своего единичнаго Я, абсолютное утвержденіе своей личности въ ущербъ всѣмъ другимъ. Наименѣе опасное, потому что слишкомъ глубоко погруженъ современный человѣкъ въ стихію социальныхъ связей и зависимостей. Гораздо опаснѣе подобное крайнее самоутвержденіе собирательнаго цѣлаго, утвержденіе коллективнаго эгоизма, потому что здѣсь начинается ему служить сама солидарность членовъ цѣлаго, ихъ готовность приносить себя въ жертву послѣднему, ихъ моральная природа и т. п.

Сюда относится утвержденіе своего государства, какъ абсолютной, самодовлѣющей цѣли, которой все должно быть принесено въ жертву. Такое отношеніе къ государству, которое еще у Гегеля возводилось въ земное божество, свойственно было нѣмецкой юридической и политической наукѣ, при чемъ особенно подчеркивалось значе-

ніе его, какъ организациі силы; это государство господствовало надъ правомъ, оно себя ограничивало лишь въ мѣру своей воли и оно беспощадно преслѣдовало свои цѣли и внутри своихъ предѣловъ и тѣмъ болѣе въ борьбѣ съ другими государствами и народами. Все должно быть принесено въ жертву государственной необходимости, при чемъ вовсе нѣтъ достаточныхъ правовыхъ гарантій противъ злоупотребленій ссылокми на нее. Очень близко къ этому абсолютное утвержденіе своей національности, за которой одной признается право на первенствующее мѣсто подъ солнцемъ. Отсюда вытекаетъ теоретическое оправданіе разрушительнаго и жестокаго націонализма, который уже принесъ столько бѣдствій современному человечеству; конечно, онъ практикуется и за предѣлами германскаго міра, но обоснованіе свое онъ получилъ здѣсь. Въ агрессивномъ германизмѣ болѣе чѣмъ въ какомъ-нибудь подобномъ теченіи чувствовалась самоувѣренность методы, можно сказать, педантизма. Близко сюда подходит и утвержденіе своей вѣроисповѣдной исключительности съ полнымъ отверженіемъ всякаго другого религіознаго пониманія, постановка собственного церковнаго строя и церковнаго преданія выше вселенской христіанской истины, т.-е. чувства, которыми питается всякая клерикальная нетерпимость. Наконецъ, нельзя пройти мимо эгоизма соціального, приводящаго къ абсолютному утверженію правъ и интересовъ отдѣльнаго общественнаго класса, какъ бы ни заслуживали сами по себѣ эти права и интересы вниманія и защиты. Такое абсолютное утвержденіе не чуждо современному соціализму, и особенно революціонному синдикализму, отрицавшему во имя него государство и національность.

Если принципъ абсолютнаго самоутвержденія въ политической, національной, религіозной и соціальной сферѣ приводитъ къ разрушенію и вырожденію, то онъ не можетъ однако уступить мѣсто противоположной исключительности. Обновленіе европейской культуры, которое вырисовывается

сквозь кровавые призраки и кошмары войны, общается другое. Государство остается организованной мощью, остается въ то же время и носителемъ великихъ матеріальныхъ и духовныхъ задачъ; но оно не можетъ оказаться самодовлѣющей цѣлью: необходимо проникновеніе его правовыми началами, необходима и правовая организація общенія государствъ. Національность остается великой связующей силой—война вскрыла всю глубину инстинкта, единящаго отдѣльныхъ людей съ ихъ отечествомъ, съ ихъ народомъ; она дала примѣры самаго чистаго, героическаго патріотизма, когда такъ легко забываются вчерашніе споры и распри. Національное есть отраженіе и воплощеніе общечеловѣческаго—тщетно отвлеченный космополитизмъ ищетъ достигнуть втораго забвеніемъ перваго; но національное не можетъ быть и противопоставляемо общечеловѣческому. Борьба Бельгіи за свою свободу есть не только фактъ въ жизни этой страны—это новая прекрасная страница, вписанная въ исторію человѣчества. На смѣну зоологическаго націонализма должно прійти это одухотворенное сознаніе и чувство національности. Остаются и вѣроисповѣданія; они—могущественные носители исторически оформившагося и въ то же время интимнаго единства и братства—но это единство не исключаетъ сознанія общности религіозныхъ и моральныхъ идеаловъ. Одно дѣло защищается и православной Россіей и католической Франціей и протестантской Англійей—создавшаяся близость не открываетъ ли эпоху болѣе глубокой и искренней терпимости? Православный и протестантъ переживаютъ разгромъ Реймскаго собора, какъ оскорбленіе ихъ собственнаго религіознаго чувства. Болѣе того—на нашихъ глазахъ закрылась пропасть, столь долго и казалось столь безнадежно раздѣлявшая Францію католическую и Францію свободомыслящую: у нихъ оказался общій языкъ! Наконецъ остаются классовыя границы и классовые интересы, остается исканіе лучшаго соціальнаго порядка, но оно не исключаетъ единенія всѣхъ сыновъ общей родины, оно не исклю-

часть связи государственной и национальной; дѣло социальной реформы, дѣло приобщенія трудящихся и обремененныхъ лучшей жизни становится дѣлью государственнаго и національнаго творчества, и идеалу разрушительной ненависти и междоусобной войны противопоставляется идеалъ социального мира, основаннаго на признаніи человѣческаго достоинства. Обновленіе, не ограниченное общесвенно-политической сферой, обновленіе на почвѣ новаго религиозно-моральнаго пониманія и переживанія — вотъ что открывается передъ нами.

Насколько ярко выражены будутъ эти начала въ новомъ періодѣ европейской культурной исторіи? Какъ полно они воплотятся въ жизнь? Всякіе конкретные отвѣты здѣсь неумѣстны. Передъ нами виднѣются лишь вѣхи, въ направленіи которыхъ будто самымъ разумомъ вещей устремлена эта исторія. Одно совершенно несомнѣнно: то что пережито европейскими народами, то что будетъ пережито, не можетъ уйти въ безвозвратное прошлое, не оставивъ глубокаго, неизгладимаго слѣда. Мы понимаемъ это изъ объективнаго разсмотрѣнія окружающаго міра; мы чувствуемъ еще болѣе изъ непосредственнаго внутренняго голоса. Развѣ всѣ мы не приобщились новой стихіи великаго разрушенія и великаго созиданія и развѣ можетъ быть исторгнута эта приобщенность изъ нашей души?

Стоя у великаго историческаго водораздѣла, мы не можемъ не чувствовать вѣры въ будущее, вѣры въ Россію. Ея любящіе и преданные сыны, наши братья, сражаются за это будущее, за возможное осуществленіе идеальныхъ благъ въ человѣчествѣ. Это миссія Россіи, и признаніе ея не имѣетъ ничего общаго съ націоналистической притязательностью. Было бы, думается, роковой ошибкой разсматривать смыслъ событій въ свѣтѣ стараго, хотя и модернизованнаго, славянофильства. Побѣда надъ германизмомъ не есть побѣда надъ европейской культурой, а ея углубленіе и очищеніе. Въ ней, а не внѣ ея скажетъ свое слово освобожденный, призываемый къ новой жизни славянскій

міръ. Мы должны всегда съ признательностью цѣнить тѣ глубокія и плодотворныя философскія и религіозныя мысли, которыя были внесены славянофильскимъ ученіемъ въ духовный обиходъ Россіи, но эти мысли всегда были въ немъ связаны съ какой-то непреодолимой узостью историческаго кругозора. Германія, съ ея огромными культурными богатствами, служить намъ предостерегающимъ примѣромъ того, къ чему приводитъ національный эгоцентризмъ, который способенъ облечься и въ очень грубыя и въ очень тонкія формы. Самобытность творческой мысли великаго народа не есть отказъ отъ того духовнаго, связующаго народы единенія, которое такъ открылось въ эти незабвенные пережитые нами дни.

С. Котляревскій.

В. С. Соловьевъ и Л. М. Лопатинъ.

I.

Л. М. Лопатинъ ошибается въ своемъ предположеніи, будто я былъ „взволнованъ“ его критическими статьями о моей книгѣ. Я могъ бы быть взволнованъ какими-либо недопустимыми нападками личнаго свойства; но самая ихъ возможность устраняется категорическимъ заявленіемъ моего критика въ послѣдней его статьѣ: „я нисколько не сомнѣваюсь, что князь Трубецкой всегда питалъ къ Соловьеву самыя теплыя дружескія чувства, что идеи Соловьева оказали на него неотразимое и весьма прочное вліяніе и что разрывъ съ взглядами Соловьева составилъ глубокой кризисъ въ его духовной жизни“. („Вопр. Фил.“, кн. 123, стр. 497).

Оставляя въ сторонѣ неточное выраженіе „разрывъ“ (на самомъ дѣлѣ никакого разрыва у меня съ Соловьевымъ не было), я съ удовольствіемъ отмѣчаю, что этими словами устраняется многое, что могло подавать поводъ къ недоразумѣніямъ въ предшествующихъ статьяхъ Л. М. Лопатина. Разъ его критика не касается моего *личнаго* отношенія къ Соловьеву, я могу относиться къ ней тѣмъ болѣе спокойно, что и къ моей книгѣ она не имѣетъ ровно никакого отношенія.

Если бы кто-либо изъ критиковъ Л. М. Лопатина, разбирая его произведенія, вынесъ ему суровый приговоръ какъ матеріалисту или эмпирику, Л. М. едва ли былъ бы

этимъ взволнованъ: онъ просто-на-просто предложилъ бы такому критику—познакомиться съ его произведеніями. Моя первая полемическая статья въ отвѣтъ Л. М. Лопатину,— въ сущности заключала въ себѣ именно этотъ совѣтъ, выраженный въ деликатной формѣ. Теперь, послѣ того какъ онъ написалъ о моей книгѣ цѣлыхъ три статьи въ сто тридцать страницъ, совѣтъ этотъ является нѣсколько запоздалымъ, и мнѣ придется говорить лишь о послѣдствіяхъ его неисполненія.

Я не хочу этимъ сказать, что мой критикъ не *прочиталъ* моей книги. Кое-что онъ въ ней несомнѣнно прочелъ; я не берусь судить, прочелъ ли онъ всю книгу или только отдѣльныя, случайно избранныя имъ главы и страницы. Но въ данномъ случаѣ это не имѣетъ значенія: онъ знаетъ и помнить изъ моего „Міросозерцанія Соловьева“ во всякомъ случаѣ только отдѣльныя выдержки. Цѣлое, какъ я уже имѣлъ случай объ этомъ говорить, остается совершенно внѣ его поля зрѣнія. Мы сейчасъ увидимъ, какъ это отзывается на его критикѣ.

Едва ли есть надобность напоминать Л. М. Лопатину, что философская критика должна быть прежде всего *имманентною*. Она должна судить философское произведеніе съ точки зрѣнія его собственныхъ задачъ и его собственныхъ основныхъ принциповъ. Въ предыдущей моей статьѣ я уже выяснилъ, насколько смутное представленіе о моихъ задачахъ имѣетъ Л. М. Лопатинъ. Къ сказанному тамъ необходимо добавить, что Л. М. Лопатинъ не улавливаетъ и того, что составляетъ основную мысль моего изслѣдованія и основной его принципъ. А между тѣмъ этотъ основной принципъ опредѣленно выраженъ во многихъ мѣстахъ моей книги, и имъ такъ или иначе опредѣляется все мною написанное. *Идея богочеловѣчества*, вотъ то, въ чемъ для меня „сплетаются во едино *всѣ нити* мысли Соловьева“ (т. I, 325). „Центральное мѣсто въ ученіи Соловьева занимаетъ то самое, что служить центромъ всего христіанскаго вѣроученія. Въ его глазахъ вся умственная жизнь, а, слѣдовательно, и фило-